УДК 811.581'42: 330.446.23
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-9-9-18

Китайский культурологический дискурс-анализ: методология и параметры исследования

И. Г. Нагибина, Л. В. Куликова

*Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

Аннотация

Предлагаемая статья посвящена описанию сущности китайского культурологического дискурс-анализа, расширению его методологии и включению, таким образом, нового систематизированного знания в отношении развития дискурсивной лингвистики в Китае в научное дискуссионное пространство отечественного языкознания. Предложена авторская модель параметризации китайского дискурсивного пространства как интерпретативная основа различных типов китайского личностно-ориентированного и институционального общения.

Ключевые слова

китайский культурологический дискурс-анализ, деконструкция, трансформация, культурно-дискурсивное пространство, культурно-коммуникативный вектор, модус культурно-коммуникативного вектора

Для цитирования

Нагибина И. Г., Куликова Л. В. Китайский культурологический дискурс-анализ: методология и параметры исследования // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 9: Филология. С. 9–18. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-9-9-18

Chinese Cultural Discourse Analysis: Research Methodology and Parameters

I. G. Nagibina, L. V. Kulikova

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to describing the essence of Chinese cultural discourse analysis, expanding its methodology and thus including a new systematic knowledge of the development of discursive linguistics in China in the scientific discussion space of Russian linguistics. The author's model of parameterization of the Chinese discursive space is proposed as an interpretive basis for various types of Chinese personality-oriented and institutional communication.

Keywords

Chinese cultural discourse-analysis, deconstruction, transformation, cultural and discursive space, cultural and communicative vector, mode of cultural and communicative vector

For citation

Nagibina I. G., Kulikova L. V. Chinese Cultural Discourse Analysis: Research Methodology and Parameters. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 9: Philology, p. 9–18. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-9-9-18

Грамматика и стилистика позволяют сделать высказывание изящным, размышления над высказыванием позволяют разглядеть смысл, а знание культуры позволяет отыскать его истинное понимание

*Шяо Юн
философ, ученый, поэт династии Северная Сун*

Дискурс – основное понятие коммуникативной лингвистики, определяемое китайским исследователем Чэнь Жудуном как «интеракция субъектов между собой и окружающей действительностью» [陈汝东 / Чэнь Жудун, 2008. С. 131], стал предметом изучения китайских лингвистов в конце 1980-х гг., с началом проведения в стране внешних реформ и интегрирования западных исследовательских концепций в китайские гуманитарные науки. Основу развития дискурсивной проблематики в китайском языкознании сформировали идеи европейских авторов в области теории дискурса и дискурс-анализа [Fairclough, 1995; Dijk, 1984; 1993; Wodak, 1996], их интерпретации китайскими учеными и попытки применения соответствующих методов на материале дискурсивного пространства Китая.

Однако китайская дискурсология далеко не копирует чужие образцы. В традиции изучения китайского языкового общения особо выделяется научная школа профессора Ши Сюя, имеющая собственное теоретическое лицо и уже утвердившаяся в роли самостоятельных исследовательских практик, обладающих собственной методологией [Shi, 2005; 2009; 2013; 2014].

Новое направление, формирующееся в китайской дискурсологии с начала XXI в. под влиянием работ Ши Сюя, известно как культурологический дискурс-анализ (文化话语研究). Для исследователей дискурса в русле культурологического дискурс-анализа в первую очередь культура является той ценностной доминантой, которая специфицирует общение в целом и его отдельные дискурсивные фрагменты. При этом понятие «культура» определяется как «свойственная конкретной цивилизации система восприятия действительности, символов, способов самовыражения, ценностей, правил, речевых моделей, социальных интеракций» [Shi, 2014. Р. 27].

Модель культурологического дискурс-анализа, разработанная Ши Сюем в русле подходов критического дискурс-анализа, предлагает аналитическую основу интерпретативного типа для эмпирического исследования. Каждое коммуникативное событие содержит три измерения: текст (речь, письмо, визуальное изображение); дискурсивную практику, включающую производство и воспроизводство устных и письменных текстов и символов; а также культурно-дискурсивный контекст, или пространство, согласно ориентирам которого выстраивается текст / дискурс и его производство [Shi, 2005; 2009; 2013; 2014; 施旭 / Ши Сюй, 2010]. В целом культурологический подход призван дешифровать культурную информацию, скрытую в знаках определенной культуры, вскрывать реальные причины коммуникативного поведения участников дискурса и интерпретировать их согласно собственным культурным конвенциям и ориентирам.

Весьма значимым для обоснования китайского культурологического дискурс-анализа, на наш взгляд, является описание правил коммуникации в «Чжоу и» («周易»), включающем собственно «И цзин» в узком смысле и комментирующую часть «И чжуань» («易传») – каноническое произведение, сохранившее свое центральное методологическое и мировоззренческое значение как для конфуцианства, так и для даосизма. По мнению Чи Чанхая, в «Чжоу и» детерминированы три основных аспекта дискурсивного поведения. Во-первых, коммуникативное действие должно быть направлено на конструирование образа адресанта как человека высших моральных качеств, или благородного мужа. При этом речевой акт должен быть наполнен изяществом и смыслом, чего можно достичь только «бесконечностью» используемых знаков. Во-вторых, само содержание высказывания должно находиться в тесной взаимосвязи с социальным положением говорящего. И, в-третьих, содержание высказывания долж-

но соответствовать реальным фактам действительности. Более того, как указывает Чи Чанхай, в «Чжоу и» порицаются низкопоклонство, лесть и негуманность, реализуемые в речевых действиях, а главным принципом коммуникации провозглашается достоверность, справедливость и гуманность [池昌海 / Чи Чанхай, 2009].

Конфуцианская традиция рассматривает коммуникацию в качестве главного инструментария формирования социума, а ее организация должна находиться в согласованности с социальным порядком, подразумевающим достижение гармонии. Как указывает ученик Конфуция Цзы-лу в «Лунь-юй», главной книге конфуцианства, «片言可以折狱» / «Несколько слов могут решить дело»; «一言可以兴邦» / «Одна фраза может сделать государство процветающим»; «一言而可以丧邦» / «Одна фраза может привести государство к гибели»¹. Данные «моральные» установки, по мнению Ши Сюя, конституируют всю китайскую коммуникацию, являются самым важным и устойчивым принципом организации дискурса китайского народа [施旭 / Ши Сюй, 2010]. Китайские философские постулаты выполняют роль «цензора» по отношению к участникам дискурса, определяя нормы национального коммуникативного стиля². Духовные универсалии, имеющие архетипичную природу, являются дискурсивными конвенциями, определяющими особенности современной китайской коммуникации.

Модель китайского культурологического дискурс-анализа базируется на сочетании таких методологических составляющих, как «деконструкция» и «трансформация».

Деконструкция, направленная на экспликацию или выявление «культурного подавления», включает ряд задач [Shi, 2005; 2009; 2013; 2014].

1. Описание смыслового (возможно, эмоционального) «напряжения» вокруг знаков, «сотносящихся с расой, цветом кожи, гендером, национальностью, этничностью, колониальной историей, идентичностью, религией, географическим положением, экономической ситуацией и т. д.» [Переверзев, 2009].

2. Идентификация форм и категорий воспроизводства дискурса подавления, которое, как правило, осуществляется посредством использования определенного кластера лексических, стилистических, риторических приемов в комбинаторике с синтаксической композицией фрагментов текста.

3. Непосредственная критика умолчаний, имплицитности «культурного доминирования» посредством демонстрации использованных в этих целях языковых структур [Нагибина, 2017. С. 52].

Второй структурный элемент модели китайского культурологического дискурс-анализа – трансформация – заключается в продвижении дискурсов, способных противостоять дискурсам «культурного подавления», т. е. направленных на выравнивание асимметрии, создание равновесия существующих дискурсов. На этом этапе культурологического дискурс-анализа особенно прослеживается влияние китайского культурно-дискурсивного пространства, доминантным ориентиром которого является сохранение и поддержание так называемой гармонии (межличностной / межгрупповой / межгосударственной).

В связи с этим в задачи трансформации входят:

1) декларация мнений так называемых подавляемых культур, комментарии политических и исторических причин умалчивания или невыражения ими своего мнения относительно спорного вопроса, ставшего поводом конфликта или военных действий;

¹ 论语原文译文集赏析, URL: <http://down1.5156edu.com/showzipdown.php?id=62967.html>

² Под национальным коммуникативным стилем понимается «устойчивая совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтекстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка» [Куликова, 2009. С. 133].

2) интерпретация поведения участников коммуникации, подразумевающей выстраивание дискурса согласно культурно-коммуникативным ориентирам, четкий комментарий и разъяснение национальных культурных особенностей поведения всех участников диалога;

3) попытка создания более «гармоничной» коммуникации посредством изменения дискурсов различных социальных институтов в моно- и межкультурной интеракции [Нагибина, 2017. С. 53].

Однако китайские лингвисты только намечают ориентиры формирования дискурсивного направления в китайском языкознании с учетом собственной культурно-философской традиции, но не дают пока комплексного аналитического инструментария, разработанных параметров, позволяющих изучать и описывать формы и содержание дискурсивно-коммуникативного взаимодействия в китайской языковой культуре.

Анализ значительного теоретического и эмпирического материала позволил нам методологически расширить понимание культурологического дискурс-анализа и попытаться смоделировать **китайское культурно-дискурсивное пространство** через совокупность **культурно-коммуникативных ориентиров или векторов**, характеризующих особенности общения и коммуникативного стиля в китайской лингвокультуре.

Культурно-дискурсивное пространство определяется при этом как «континуум потока социального опыта и национальных традиций, в котором на основе интеграции культурных и коммуникативных феноменов и символических кодов образуется специфическое содержательное и функциональное единство» [Там же. С. 16].

Предлагаемое авторами статьи понятие культурно-коммуникативного вектора, трактуется как традиционный архетипически обусловленный ориентир, имеющий социальную природу символической конвенции и рекуррентный характер, который определяет специфику языковой реализации дискурса в конкретной лингвокультуре. При этом культурно-коммуникативный вектор, как правило, проявляется в интеракции различными способами, которые здесь именуются модусами его реализации

Модель китайского культурно-дискурсивного пространства представлена в исследовании совокупностью восьми культурно-коммуникативных векторов. Кроме того, обязательным фонообразующим конститuentом дискурса китайской лингвокультуры является категория эстетики. Система культурно-коммуникативных векторов обеспечивает теоретическое обоснование для анализа аутентичного китайского дискурса, а также дает общее представление о специфике и наполнении дискурсивного взаимодействия с представителями китайской языковой культуры [Там же. С. 17].

Графически модель китайского культурно-дискурсивного пространства визуализирована в данной работе следующим образом:

«Эстетика речи» / «话语审美» (хуаюй шэньмэй), выделенная нами как один из конституентов китайской коммуникации, определяет априорность красоты и изящества плана выражения – всей совокупности фонетических, лексических, синтаксических средств языка как ресурса для выражения нравственного и морального.

Несмотря на возможную многоплановость интерпретации эстетической категории в китайской лингвокультуре, мы считаем правомерным определить ее по отношению к языку или речи как тесно связанную с универсальной категорией прекрасного, проявляющуюся «в благозвучии, изобразительности, выразительности, эстетически значимой ассоциативности».

Как показывают эмпирические наблюдения, эстетический фон китайской коммуникации на начальных этапах погружения в китайскую лингвокультуру воспринимается иностранцами достаточно неоднозначно – создается впечатление чрезмерной «высокопарности», а безукоризненная структурная организация кажется «неестественной».

Эстетизация языка, придание ему изысканности и изящности, происходит посредством включения ритма, группировки знаков по рифмам, структурной организации текста, стилистических фигур, имеющих сжатую форму выражения, но обладающих глубоким смысловым содержанием и большой силой художественного воздействия.

Культурно-коммуникативный вектор «Гармония» / «中和», целеполагающий конституент китайского культурно-дискурсивного пространства, является доминирующим критерием в парадигме китайского культурологического дискурс-анализа для поиска, конструирования, сохранения или деструкции равновесия между отдельными индивидами, микрогруппами, социумами и государствами. Китайская коммуникация включает семь модусов реализации вектора «Гармония» на дискурсивно-поведенческом уровне: «Гармония как высшая ценность» / «和为贵»; «Ориентация на интересы собеседника» / «迎合»; «Беспринципный компромисс, уступка» / «迁就»; «Избегание соперничества в общении, избегание спора» / «畏争»; «Включение третьей стороны (примирителя, миротворца)» / «企盼和事佬»; «Подчинение большинству» / «从众»; «Сначала – этикет, потом – оружие» / «先礼后兵».

Культурно-коммуникативный вектор «Лицо» / «脸面», восходящий к этико-политической традиции конфуцианства, определяет социально-нормативное поведение носителя китайской лингвокультуры. Китайское культурно-дискурсивное пространство конструируют одиннадцать модусов культурно-коммуникативного вектора «Лицо» / «脸面» в порядке межличностного / межгруппового / межгосударственного взаимодействия, формируемого под влиянием моральных ограничений.

Как было выявлено в ходе анализа китайских дискурсивных практик, наибольшее распространение имеют модусы «Сохранение собственного лица» / «爱脸面» и «Дарение лица» / «给脸面», предполагающие коммуникативные действия, направленные как на сохранение и увеличение собственного престижа адресанта, так и на увеличение значимости адресата.

Модус «Сохранение лица» / «留脸面», пощада или поддержание лица собеседника в случае опасности его потери, реализуется носителями китайской лингвокультуры даже в коммуникативных конфликтах как попытка погашения конфликта, поиска решения, приемлемого для обеих сторон. Яркой иллюстрацией тому служит, например, медиатекст – реакция КНР, выраженная Гэн Шуаном, пресс-секретарем МИДа Китая, в ответ на обвинения Белого дома в сокрытии правды о коронавирусе и возможном наказании Китая экономическими методами:

新冠病毒肺炎，他完全是一场天灾，对我们来说。中国和美国都是病毒的受害者。受害者同病相怜，本应该是团结协作来共克时艰。美方应该清楚他们的敌人是病毒而不是中国 / Новый корональный вирус пневмонии является совершенно стихийным бедствием для нас. И Китай, и США стали жертвами вируса,

товарищами по несчастью, которые, должны были объединиться и работать вместе, чтобы преодолеть трудности. Американская сторона должна четко понимать, что их враг – вирус, а не Китай³.

Подобные высказывания официального источника китайского МИДа были проигнорированы США, а обвинения лишь усилились, вследствие чего в указанной дискурсивной практике был задействован модус «Разрыв лица» / «撕破脸面», используемый в случае продолжительных критических высказываний, оскорблений, физических конфликтов или убийств. Указанный механизм задействуется в китайской лингвокультуре в крайних случаях:

一段时间依赖，美国的一些政客说罔顾事实，企图推卸自身抗疫不力的责任来转移视线，来电锅，推责。可这种做法抹杀不了中国人民经过艰苦努力取得的抗议成果。只会暴露美国美方个别人的险恶用心以及他们村在的严重问题 / Некоторые американские политики делают заявления, не считаясь с фактами; осуществляют попытки отвлечь внимание общественности от собственных неэффективных мер по борьбе с эпидемией; перекладывают вину с виноватого на невинного; валят с больной головы на здоровую. Но подобные действия не уничтожат результаты, достигнутые китайским народом в мучительном сопротивлении опасности. Они лишь разоблачают зловещие намерения отдельных людей американской стороны и их существующие серьезные проблемы⁴.

Подчеркивая важность понятия лица в осуществлении китайской коммуникации, протестантский миссионер А. Х. Смит в конце XIX столетия сравнивал данный вектор с «золотым ключом», который позволит открыть потайные двери особенностей коммуникативного поведения китайцев (цит. по: [汪风炎, 郑红 / Ван Фэн'янь, Чжэн Хун, 2013. С. 208]). Конфуцианская традиция сделала «лицо» самым сложным, изощренным понятием, «священным» атрибутом, который можно потерять, спасти, подарить, разорвать и т. д.

Культурно-коммуникативный вектор «Вежливость» / «礼貌» реализуется во взаимозависимости или иерархических отношениях участников общения, детерминированных коммуникативным контекстом. Культурно-коммуникативный вектор «Вежливость» / «礼貌» – это дискурсивная конвенция, проявляемая в самоунижении, умалении своей позиции и возвышении собеседника.

Культурно-коммуникативный вектор «Смысл вне пределов языковой формы» является неотъемлемым вектором китайского дискурсивного пространства, изобилующего имплицитностью, где план содержания обычно бывает значительно полнее плана выражения. Данный вектор имеет три модуса, или варианта, реализации: «Умалчивание»; «Имплицитность, скрытость высказывания» и «Множественный повтор мысли» как способ продуцирования истинного смысла высказывания.

Модус «Имплицитность, скрытость высказывания» предполагает дискурсивное конструирование смыслов посредством аллюзий и метафор, когда адресат вынужден «читать между строк» и делать собственные умозаключения из сказанного, по-своему его интерпретировать. Необходимо отметить, что «Имплицитность, скрытость высказывания» реализуется не только в форме устной языковой коммуникации, это может быть и текстовое общение, когда намеки кодируются посредством графических знаков, которые передаются по визуально-оптическому каналу связи.

К примеру, менеджер одной китайской компании в целях донесения до руководителя желания повышения заработной платы, использовал чашку с надписью «涨工资!» / «Поднять зарплату», из которой он демонстративно пил чай в присутствии начальника. Спустя некоторое время сам руководитель начал пить чай из чашки с текстом «要干就干，不要就走!» / «Хочешь работать – работай, не хочешь – уходи», после чего менеджер заменил свою чашку на обычную.

³ Видеопортал Youku https://v.youku.com/v_show/id_XNDY1NTgyNzcxMg==.html?spm=a2h0c.8166622.PhoneSokuUgc_1.dtitle.

⁴ Видеопортал Youku https://v.youku.com/v_show/id_XNDY1NTgyNTU5Mg==.html?spm=a2h0c.8166622.PhoneSokuUgc_2.dtitle.

Приведенный пример демонстрирует, что выстраивание общения произошло согласно культурно-коммуникативному вектору «Смысл вне пределов языковой формы». Более того, косвенные коммуникативные акты, направленные на преодоление конфликта, обеспечили конечную цель речевого взаимодействия в китайской лингвокультуре – сохранение гармонии.

Типичными способами конституирования дискурса по культурно-коммуникативному вектору «Диалектический подход» можно считать следующие: максимальное ограничение использования резких утверждений; включение в дискурс положительных оценочных суждений сложившейся негативной ситуации; прием глобального описания ситуации; моделирование позитивного изменения ситуации; включение фраз критической оценки своих действий; констатацию объективного восприятия происходящего.

Диалектический подход или совмещение противоположностей характерны для всех типов дискурса китайского языка. К примеру, мы можем увидеть такую языковую интерпретацию действительности в коммерческом дискурсе. Рассуждая о конъюнктуре финансового рынка, китайский банкир Чэнь Гунмэн говорит:

目前的形势就像一把“双刃剑”。尽管威胁的“危险”在泡沫经济的过程中延续的情况下，使用的策略可能是一个“动力”“新的机会”市场证券，吸引投资，纽约证券交易所 / Сложившаяся ситуация подобна «обоюдоострому мечу». Несмотря на угрожающую «опасность» в случае продолжения курса экономики «мыльного пузыря», используемая стратегия может стать «движущей силой», «новой возможностью» для рынка ценных бумаг, привлекающей инвестиции Нью-Йоркской фондовой биржи⁵.

Приведенные примеры подтверждают стремление китайской коммуникации к диалектической репрезентации происходящих событий и, следовательно, их полярное отображение в лексической и синтаксической структурах дискурса с целью сохранения баланса оппозиций, выдвижения на первый план положительных комментариев по поводу неблагоприятных случаев, негативных событий, кризисов и конфликтов.

Более того, культурно-коммуникативный вектор «Диалектический подход» присутствует не только в дискурсе, репрезентирующем ситуацию и события негативного характера. В китайском культурно-дискурсивном пространстве также присутствует иной, противоположный вариант рассматриваемого вектора – «При благополучии не забывать об опасности» / «居安思危». Данная философская мысль зафиксирована в комментариях к «И цзину», или «Канону перемен» («易经»):

安而不忘危，存而不忘亡，治而不忘乱 / В мирные времена нужно помнить о существующей опасности во избежание краха⁶.

Такое построение дискурса согласно этому модусу имеет своей целью повысить осознание адресатом необходимости помнить о постоянно изменяющемся порядке вещей и носит прагматический характер скорее предупреждения, чем устрашения и запугивания.

Культурно-коммуникативный вектор «Включение в отношения» / «关系» (гуаньси) диагностирует одинаковую первостепенность адресанта и адресата в конструировании дискурса, который всегда является диалоговой формой общения. В соответствии с конфуцианской традицией взаимодействие между людьми формирует следующую систему классификации отношений:

父子有亲，君臣有义，夫妇有别，长幼有序，朋友有信 / Между отцом и сыном – родство; между правящим и подданным – справедливость, верность, долг; между мужем и женой – любовь и ответственность; между старшим и младшим – вежливость и уважение; между друзьями – честность⁷.

⁵ Портал GOODGUPIAO <http://www.goodgupiao.com/soft/gupiaobook/down-43953.html>.

⁶ 周易传文白话解 (Вэньянь и байхуа комментарий к «Чжоу и») <http://vdisk.weibo.com/s/ujpgg77s55hYt.html>.

⁷ 孟子全文 (Полный текст «Мэн-цзы») <http://www.liuxue86.com/a/2688507.html>.

Если в конфуцианстве термин «关系» показывает конкретные отношения, то в даосизме данным термином описывается взаимосвязь между индивидами в различных ситуациях и обстоятельствах. В канонической книге даосизма «Чжоу И» человек понимается как центр и часть человеческого общества, или же сети отношений. Интерпретируя даосские каноны в терминах современной лингвистики, можно сказать, что, осуществляя коммуникативный акт, индивид вступает в причинно-следственные отношения между вербализованными смыслами и коммуникативными эффектами, результатами, которые они повлекут. Эта концепция объясняет существование двух модусов культурно-коммуникативного вектора «Включение в отношения»: «Укрепление судьбы» / «命运» и «Недеяние» / «无为».

Культурно-коммуникативный вектор «Почитание авторитета» / «崇尚权威» (чуншан цюаньвэй) является одним из вариантов реализации древнего принципа регулирования этических норм социального поведения «孝道» / «преданность (служение) родителям, нормы (принцип) сыновней почтительности»). Ориентация коммуникации по вектору «Почитание авторитета» / «崇尚权威» проявляется посредством эксплицитного указания релевантной социальной позиции, возраста, наличия опыта; обращения (или цитирования) к авторитетным высказываниям; чрезмерной частотности (в сравнении с некитайским дискурсом) обращения к мнению авторитетного лица.

Культурно-коммуникативный вектор «Национальный патриотизм» / «民族爱国主义» (миньцзу айгочжу'и) проявляется во многих типах китайского дискурса. В современном Китае вектор реализуется в «мягком» / «软实力», имплицитном оппозиционировании двум ярким «противникам» – Японии и США. Особенно данный вектор репрезентирован в ораторском искусстве китайских политических лидеров, где используются различные типы положительной самопрезентации: выступление политика от лица правительства, от лица страны и от своего лица.

Теоретики китайского культурологического дискурс-анализа определяют дискурс как важнейшую составляющую культуры, духовным стержнем которой выступает китайская философия, и оценивают китайскую коммуникацию в первую очередь с учетом фактора проявления собственной системы знаний и мировоззренческих идей. Эти идеи определяют своего рода «правила» выстраивания и наполнения китайского языкового взаимодействия, имеют глубокое обоснование в идеологии конфуцианства, буддизма, даосизма, моизма. Китайские философские постулаты выполняют роль «цензора» по отношению к участникам дискурса, определяя правила общения: нормы стиля и тональности, социальные и психологические установки. В соответствии с этим в нашем исследовании предпринята попытка расширения методологии китайского культурологического дискурс-анализа, а именно пополнение спектра значимых исследовательских единиц / культурно-коммуникативных векторов как ресурса адекватной интерпретации эмпирического и теоретического материала в отношении особенностей дискурса в китайской лингвокультуре.

Список литературы

- Куликова Л. В.** Коммуникативный стиль в межкультурном общении: Монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 288 с.
- Нагибина И. Г.** Формирование дискурсивно-коммуникативной парадигмы в китайском языкознании: от теории к социальной практике: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2017. 231 с.
- Переверзев Е. В.** Современный культурологический анализ дискурса // Современный дискурс-анализ. 2009. № 1. URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st5.shtml> (дата обращения 05.05.2020).
- Dijk T. A. van.** Prejudice in Discourse: An analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation. Amsterdam, John Benjamins Publ., 1984, 177 p.
- Dijk T. A. van.** Elite discourse and racism. London, Sage Publications, 1993, 320 p.

- Fairclough N.** Critical Discourse Analysis. London, 1995, 224 p.
- Shi X.** A cultural approach to discourse. New York, Basingstoke, 2005, 223 p.
- Shi X.** Reconstructing eastern paradigms of discourse studies. *Journal of Multicultural Discourses*, 2009, no. 4, p. 29–48.
- Shi X.** Discourse and culture: From discourse analysis to cultural discourse studies. Shanghai, Shanghai Foreign Language Education Press, 2013, 420 p.
- Shi X.** Chinese Discourse Studies. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2014, 223 p.
- Wodak R.** Disorders in Discourse. London, Longman, 1996, 288 p.
- 汪凤炎, 郑红 (Ван Фэн'янь, Чжэн Хун). 中国文化心理学 (Китайская культурная психология). 广州: 暨南大学出版社, 2013.
- 陈汝东 (Чэнь Жудун). 论话语研究的现状与趋势 (Статус-кво и тенденции дискурс-анализа) // 浙江大学学报, 2008. № 6. 130–137 页.
- 施旭 (Ши Сюй). 文化话语研究: 探索中国的理论、方法与问题 (Культурологический дискурс-анализ: в поисках китайской теории, методов и проблематики). – 北京: 北京大学出版社, 2010.

References

- Dijk T. A. van.** Elite discourse and racism. London, Sage Publications, 1993, 320 p.
- Dijk T. A. van.** Prejudice in Discourse: An analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation. Amsterdam, John Benjamins Publ., 1984, 177 p.
- Fairclough N.** Critical Discourse Analysis. London, 1995, 224 p.
- Kulikova L. V.** Kommunikativnyi stil' v mezhkul'turnom obschenii: monographiya [Communicative Style in Inter-Cultural Communication: A Monograph]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009, 288 p. (in Russ.)
- Nagibina I. G.** Formirovanie diskursivno-kommunikativnoi paradigmy v kitaiskom yazykoznanii: ot teorii k sotsial'noi praktike [Formation of the Discursive-Communicative Paradigm in Chinese Linguistics: From Theory to Social Practice]. Cand. Phil. Sci. Diss. Krasnoyarsk, 2017, 231 p. (in Russ.)
- Pereverzev E. V.** Sovremennyyi kul'turologicheskii analiz diskursa [Modern Culturological Discourse Analysis]. *Sovremennyyi diskurs-analiz [Modern Discourse Analysis]*. 2009, no. 1. (in Russ.) URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st5.shtml> (accessed 05.05.2020).
- Shi X.** A cultural approach to discourse. New York, Basingstoke, 2005, 223 p.
- Shi X.** Chinese Discourse Studies. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2014, 223 p.
- Shi X.** Discourse and culture: From discourse analysis to cultural discourse studies. Shanghai, Shanghai Foreign Language Education Press, 2013, 420 p.
- Shi X.** Reconstructing eastern paradigms of discourse studies. *Journal of Multicultural Discourses*, 2009, no. 4, p. 29–48.
- Wodak R.** Disorders in Discourse. London, Longman, 1996, 288 p.
- 汪凤炎, 郑红 (Ван Фэн'янь, Чжэн Хун). 中国文化心理学 (Китайская культурная психология). 广州: 暨南大学出版社, 2013.
- 陈汝东 (Чэнь Жудун). 论话语研究的现状与趋势 (Статус-кво и тенденции дискурс-анализа) // 浙江大学学报, 2008. № 6. 130–137 页.
- 施旭 (Ши Сюй). 文化话语研究: 探索中国的理论、方法与问题 (Культурологический дискурс-анализ: в поисках китайской теории, методов и проблематики). – 北京: 北京大学出版社, 2010.

Материал поступил в редколлегию
Received
03.03.2020

Сведения об авторах

Нагибина Ирина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

irina_nagibina@mail.ru

Куликова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории германских языков и межкультурной коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

kulikova_l@list.ru

Information about the Authors

Irina G. Nagibina, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Oriental Languages, School of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

irina_nagibina@mail.ru

Lyudmila V. Kulikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Theory of Germanic Languages and Intercultural Communication, School of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

kulikova_l@list.ru